

ВВЕДЕНИЕ

Психология личности является сейчас одним из наиболее важных разделов психологической науки. Если раньше этому разделу психологии оказывалось особое внимание со стороны педагогов, врачей, юристов, криминалистов, т. е. представителей дисциплин, имеющих непосредственный контакт с человеком, то теперь мы являемся свидетелями того, что психологией личности интересуются представители, казалось бы, далеких от психологии дисциплин: математики, инженеры, кибернетики, физики.

В чем причина того, что в течение последних трех десятилетий возник такой большой интерес к психологии личности? Одна из них коренится в развитии самой нашей науки. Из истории психологии мы знаем, что проникновение естественнонаучных знаний и методов в психологию было чрезвычайно прогрессивным явлением, обогатившим ее. Но вместе с тем методы естествознания, освещенные не диалектическим материализмом, а механистическим, привели к тому, что сама психологическая наука перестала быть наукой о человеке. Психика была разделена на отдельные функции, процессы; психическая деятельность человека была разложена «на полочки» (восприятие, внимание, память и т. д.). Образовалась некая «безличностная» психология, личность человека выпала из аспекта психологии, и на эту «безличностную» психологию началось наступление самых различных школ еще в 20-х годах: это была гештальтпсихология, это был фрейдизм, это была «понимающая» психология Шпрангера и др.

Поворот к психологии личности обусловлен также аспектом идеологическим, так как психология всегда осуществляла функцию идеологического средства в борьбе между марксистскими и идеалистическими концепциями.

Для марксистской психологии личность представляет собой продукт общественно-исторического развития общества. Поэтому исследование

личности требует анализа ее жизнедеятельности, анализа общественно-исторических условий ее бытия.

Историко-материалистический подход, осуществляемый в советской психологии, показывает, как в ходе общественно-исторического развития индивид приобретает качество личности, как преобразуется сама природа человека [10, 14, 19, 6, 12]. Процесс развития личности протекает по-разному, в зависимости от исторических условий, от ее принадлежности к той или иной социальной среде, от той деятельности, которую субъект осуществляет [14]. Указывая, что личность является формирующимся общественно-историческим образованием, П. Я. Гальперин подчеркивает, что личность не следует отождествлять с субъектом действия; он указывает на то, что «чтобы быть личностью, нужно быть субъектом сознательным, общественно-ответственным субъектом» [12], т. е. субъектом, способным регулировать свои действия. Уже в этих кратких характеристиках показано, что, во-первых, неправомерно подменять понятие «личность» понятиями «индивидуум», «субъект», формирование которых не обусловлено общественно-историческими условиями; что, во-вторых, личность является не каким-то имманентным, самим по себе существующим началом, а продуктом общественно-исторического развития.

Теории личности зарубежной психологии исходят из других методологических позиций. Примыкая к персоналистическому направлению, ряд зарубежных психологов рассматривают личность как самостоятельное «духовное» начало, существующее наряду с обществом (так называемая «гуманистическая», «понимающая психология»). Эти теории тяготеют к антропологизму в объяснении социальной природы личности. Выступают разновидности редукционизма — физиологического, социального (неофрейдизм, неопозитивизм). В дальнейшем мы подробно остановимся на анализе этих теорий, здесь мы хотим лишь подчеркнуть, что именно актуальность идеологической функции психологии личности вызывает особый интерес к этой проблеме. Теории личности в зарубежной психологии множатся. Часто противоречия друг другу по своему концептуальному аппарату, они нередко объединяются в борьбе против методологии марксистской психологии. Они объявляют себя «гуманистическими», даже марксистскими.

В действительности же, как мы увидим ниже, это лишь прикрытие их идеалистических позиций.

Другая причина — это требования практики. Педагогика, медицина, криминалистика, стали предъявлять счет психологии, появляются новые проблемы в области этих наук, которые требуют компетенции психологов. Так, в медицине развиваются такие области, как область профзаболеваний, профилактики здоровья, учение о психотерапии, психофармакологии — все они не могут быть разрешены без знания психологии личности, и это прекрасно поняли представители этих наук. Но и технические науки стали предъявлять свой счет психологии. Если раньше думали о том, как приспособить человека к машине, то сейчас стало очевидным, что машину надо приспособить не только к функции психических процессов, но и к личностным особенностям человека. Особенно содействовала интересу к психологии личности научно-техническая революция. По-новому ставится вопрос о профориентации, который разрешить сейчас гораздо сложнее, чем, скажем, несколько десятилетий тому назад. Возникли совершенно новые профессии, изменились условия труда, появилась проблема урбанизации и т. д. Эта практика тоже предъявляет счет нашей науке и прежде всего именно психологии личности.

Существует еще одна причина возникновения интереса к психологии личности. В связи с научно-техническим прогрессом возникла новая научная отрасль, называемая психологией коммуникаций. Эта отрасль социальной психологии занимается психологическими проблемами пропаганды знаний (политических, научных), психологией рекламы, передачи информации. Если раньше думали, что для лучшего распространения знаний достаточно знать закономерности познавательных процессов (памяти, внимания), то теперь стало ясным, что надо в первую очередь знать особенности личности «адресата», реакцию аудитории, которой преподносятся знания. Проблема эта усложняется еще тем, что распространение знаний, проведение пропаганды часто бывает односторонним (радио, телевидение), что нет прямой обратной связи с аудиторией; знание об особенностях личности адресата отсутствует. Встает проблема воздействия на эту неизвестную личность адресата. Правильно указывает Ю. А. Шерковин, что сейчас ощущается «настоятельная

необходимость теоретического осмысления путей и способов повышения эффективности функционирования массовой коммуникации» [26], а такое осмысление требует в первую очередь знания психологии личности. Методы пропаганды должны опираться на научно обоснованные знания о формировании личности, ее ценностных ориентаций, установок, мотивов деятельности. С полным правом В. Г. Асеев указывает, что «в социалистическом обществе один из основных принципов формирования воспитания личности состоит в преимущественной ориентировке на высшие сознательные уровни мотивизации» [2].

Таким образом, развитие важнейшего раздела психологической науки — психологии личности — вызвано как запросами практики, так и вопросами теории и методологии.

Следует отметить, что интерес к психологии личности вызвал к жизни еще одно явление, а именно бурное развитие методических приемов, направленных на исследование личности. Если взять любой учебник, книгу, журнал зарубежной психологии, то вы там обязательно найдете статью, которая посвящена какой-нибудь новой методике исследования личности. (Правда, нередко оказывается, что «новые» методики являются частично трансформацией старых). При этом возникает одно очень интересное явление: хотя любому психологу (и не только психологу) ясно, что методика, особенно претендующая на исследование личности, ее мотивов, интересов, ценностей, не может быть оторвана от методологии и теории, лежащих в ее основе; методики исследования личности «живут как бы самостоятельной жизнью». Очень часто бывает так, что представители различных дисциплин (и сами психологи, к сожалению) обращаются с просьбой ознакомить их с «какой-нибудь» методикой исследования личности, не интересуясь, откуда эта методика возникла, для чего она создана, какие причины привели к применению именно данной методики. Такое явление является следствием непонимания соотношения метода и теории, проявлением прагматического отношения к исследуемому предмету. Выбор методов исследования зависит от поставленной задачи и от тех теоретических установок, с позиции которых проводится исследование.

Вопрос об отношении метода и теории стоит в психологии не так, как, скажем, в технических науках, где мы должны и можем равняться

на мировые стандарты. Теория и методология нашей отечественной психологии принципиально отличаются от зарубежной. У нас разные пути развития. Отечественная психология определяется марксистской философией; несет идеологическую функцию не только в теоретическом, но и практическом отношении; поэтому и методические приемы исследования, а главное, интерпретация полученных с их помощью данных не могут быть освоены путем прямого переноса. Проблема метода в психологии приобретает методологический характер. Говоря о методиках по исследованию личности, хотелось бы сделать еще одно замечание. Естественно, что среди экспериментальных методик одни являются более пригодными для установления особенностей личности (такие как исследование уровня притязаний, методика самооценки, ТАТ), другие оказываются менее пригодными. Однако принципиально в руках профессионального экспериментатора почти любая методика (даже складывание куба Линка) может дать представление о личностных особенностях испытуемого. Поэтому деление методик на «личностные» и «неличностные» является весьма условным.

Однако тот факт, что та или иная научная область привлекает к себе внимание, еще не означает, что она разработана.

Для этого требуется следующее:

1. Четкое *обозначение исходных критериев*, на которых зиждется теория личности.
2. *Обозначение принципов методических приемов*, с помощью которых данная теория обосновывает свои положения.
3. И самое главное — *определение предмета*, которым занимается данная теория.

В противном случае *психология личности подменяется типологией, дифференциальной психологией, психологией дифференциальных различий*. Она растворяется в фактологии; собираются факты, горы фактов, которые коррелируются с другими фактами. По образному выражению Г. Олпорта, психология превращается в «скачущего за фактами всадника без головы».

Прежде чем перейти к изложению отдельных теорий, методов и результатов исследований, следовало бы, конечно, дать некую классификацию

излагаемых теорий. Однако в настоящее время трудно выделить категории, понятия, на основе которых можно провести классификацию. Об этом говорят как отечественные [25], так и зарубежные науковеды [45]. Можно лишь в сугубо «рабочем» порядке попытаться дать некую схему, в «прокрустово ложе» которой можно уложить теории личности зарубежной психологии.

Так, например, в основу такой классификации можно положить категорию времени: существуют теории, представители которых считают, что движущей силой развития личности является ее прошлое. Это теория Фрейда, неофрейдизма. Представители же других теорий считают, что движущую силу человеческой деятельности следует искать в *направленности личности в будущее* (Маслоу, частично Олпорт). Третьи, как Курт Левин, исходят при изучении движущих сил личности *из категории настоящего*.

Можно было бы классифицировать теории личности исходя из того, как представители той или иной теории относятся к понятию гомеостаза как источника развития. Тогда теории личности разделятся на такие, которые считают, что движущей силой развития человека является стремление к установлению равновесия со средой. В этом случае в одну группу попадут разноречивые теории (Фрейд, Левин). В другую группу войдут теории, считающие, что стремление не к удержанию равновесия, а, наоборот, к его преодолению является движущей силой (Маслоу, Ньюттен, частично Левин).

Можно рассмотреть теорию личности исходя из более общего аспекта, а именно из понимания самой природы движущей силы развития личности. Исходя из такого принципа можно с известной натяжкой разделить теории личности на две большие группы. «Интрапсихологические», т. е. теории, представители которых считают, что движущие силы развития находятся внутри самой личности, и теории «интерпсихологические», усматривающие в межличностных отношениях движущую силу развития личности. Это деление является весьма условным, «прокрустовым ложем»; его можно использовать лишь как некую «рабочую» классификацию, которая поможет расположению материала, касающегося теорий личности зарубежной психологии.

Одним из наиболее ярких представителей интрапсихологического направления следует считать Курта Левина, представителя немецкой школы гештальтпсихологии. Принято считать, что в учении К. Левина было два периода — берлинский и американский. В американский период Левин обратился к психологии межличностных отношений, его по праву можно считать предвестником всей американской социальной психологии. Перефразируя известное изречение В. Г. Белинского, что вся русская литература вышла из «Шинели» Гоголя, можно сказать, что вся американская социальная психология «вышла» из учения Курта Левина. Положения американского периода учения К. Левина можно обозначить как интерпсихологические. И тем не менее теорию личности Курта Левина, названную им «Динамической теорией личности» (*A Dynamic Theory of Personality*), следует отнести к теориям, объявляющим, что деятельность, поведение человека определяется его *внутрипсихологическими* потребностями и мотивами. Пафос учения К. Левина состоит именно в провозглашении того, что психология должна изучать закономерности формирования и проявления мотивов.

У каждого ученого есть пора своего «цветения». Для Курта Левина этой порой был берлинский период его творческой деятельности. Рассмотрение теории К. Левина начнем именно с него. Это были 20-е — начало 30-х годов XX столетия, время бурное для немецкого народа, время расцвета философии рационализма. Левин — единственный из гештальтпсихологов, который обратился к психологии личности. Но при этом не надо забывать, что сам он был ярким представителем гештальтпсихологии и что положения этой школы нашли свое отражение и в его теории личности. Это:

1. Положение о том, что образ мира, явления (гештальт) создается не путем синтеза отдельных элементов, а сразу. Гештальт не является суммой частей, а представляет целостную структуру, целостную систему. Не целое зависит от частей, а часть зависит от целого.
2. Образ создается в «данный момент» (*ad hoc*). Прошлый опыт не играет роли в создании этого гештальта. Он создается путем того, что по-английски звучит как «инсайт», на немецком это звучит «ага — переживание» (*Aha—Erlebnis*).

3. Принцип изоморфизма, т. е. принцип, утверждающий тождество закономерностей в разных науках, например, психологические закономерности тождественны физиологическим (физикальным). Эти положения гештальтпсихологии не оказались чуждыми и левиновской теории, и на них, как мы увидим ниже, опираются многие из его утверждений.

Биографическая справка. Курт Левин, представитель немецкой школы гештальтпсихологии, родился в 1890 г. в Пруссии. Учился в университетах Фрейбурга, Мюнхена и Берлина. В 1914 г. получил докторскую степень. После четырехлетней службы в армии стал преподавателем, затем профессором Берлинского университета, работал вместе с Кёлером, Вертгеймером, Коффкой, Гольдштейном, Гельбом и т. д. После установления фашизма в Германии эмигрировал в 1933 г. вместе с многими представителями гештальтпсихологии в Америку.

К чести представителей гештальтпсихологии нужно сказать, что почти никто из них не остался работать в фашистской Германии. Начиная с 1933 г. Левин работает в США, где преподает в Стенфордском и Корнельском университетах. В 1945 г. стал директором исследовательского центра групповой динамики при Массачусетском институте технологии. Умер 12 февраля 1947 г.

Курт Левин был не только крупным ученым, но и ярким человеком с широким кругом интересов, эрудированным в вопросах биологии, физики, математики, искусства и литературы. Однако всецело он был поглощен психологией. Своими идеями он был увлечен, захвачен. Он мог рассуждать на темы психологии в любой момент и в любой обстановке. Случалось, что его осеняла какая-нибудь мысль во время прогулки — он мог тут же остановиться среди улицы, вынимал блокнот и начинал записывать пришедшую ему мысль, не обращая внимания ни на удивленных прохожих, ни на транспорт.

Левин очень любил молодежь, всегда был окружен студентами, молодыми сотрудниками, которые сопровождали его повсюду, он всегда внимательно и доброжелательно выслушивал их подчас наивные суждения. Вместе с тем он был очень требователен и строг к ним в работе,

даже гневен, если замечал недобросовестное отношение к результатам эксперимента. «Наука не терпит лени, недобросовестности и глупости», — была его любимая фраза.

Интересно отметить, что экспериментальные исследования школы К. Левина, вошедшие в фонд психологической науки (например, работа Ф. Хоппе об уровне притязаний, Т. Дембо — об аффекте, А. Карстен — о пресыщении, Г. Биренбаум — о забывании намерений, Б. Зейгарник — о воспроизведении незавершенных действий), были всего лишь дипломными работами студентов, проведенными под его руководством.

Курт Левин был страстным поборником эксперимента в психологии. При этом он всегда подчеркивал, что эксперимент должен вытекать из теории и отвечать на конкретную задачу. «Без теории эксперимент слеп и глух» — любил он повторять своим ученикам. Стопроцентные совпадения результатов казались ему подозрительными: «слишком хорошо сходятся концы с концами — проверьте еще раз» требовал он. Он считал, что анализ «отрицательных» результатов, т. е. данных, отклоняющихся от основных результатов, выяснение причин подобного отклонения часто помогают установлению закономерностей изучаемого явления. Придавая большое значение установлению общих закономерностей, формализации результатов эксперимента, он с большой осторожностью относился к количественным данным¹.

Говоря о психологии, К. Левин придавал большое значение методологии эксперимента. Поэтому, прежде чем перейти к систематическому изложению теории К. Левина, следует коротко остановиться на его взглядах на сущность научного познания и на объект науки, которые он пытался очертить еще в 1927 г. в своем труде «Переход от Аристотелевского мышления к Галилеевскому» [39]. Он настаивал на том, что развитие психологии должно идти не по пути собирания эмпирических фактов

---

¹ В этой связи хочется напомнить высказывания П. Л. Капицы: «...изучение ядерных процессов при столкновении таит в себе по сей день одну большую слабость — это необходимость статистического метода обработки результатов». (Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика. М., 1977, с. 232). В этом же труде П. Л. Капица ссылается на то, что и Розерфорд «хорошо знал, какая опасность таится в необъективности интерпретации экспериментальных данных, имеющих статистический характер...» (*там же*, с. 233).

(пути, по которому идет и сейчас американская психология). Решающей в науке является теория, но всякая теория должна быть подтверждена экспериментом. Не от эксперимента к теории, а от теории к эксперименту — вот генеральный путь научного анализа. Всякая наука нацелена на нахождение закономерностей — психология должна тоже стремиться к нахождению психологических закономерностей. Курт Левин подчеркивал это положение. Он говорил что задачей психологической науки должно быть даже не только установление законов, а предсказание индивидуальных явлений (в терминологии Левина «событий») на основании закона: они предсказуемы только при наличии достоверной теории. Критерием научной достоверности является не повторяемость единичных фактов, а, наоборот, единичные факты обретают научную достоверность лишь в контексте теории. Такой подход к объекту психологической науки К. Левин назвал «переходом от аристотелевского мышления к галилеевскому».

Курт Левин указывал, что для мышления Аристотеля было характерно утверждение, что мир гетерогенен; что каждому явлению присуща свойственная именно ему имманентная закономерность: дым поднимается вверх, потому что он легкий. Камень падает вниз, потому что он тяжелый. Галилей же установил, что мир гомогенен. Всякое отдельное явление подчиняется общим закономерностям. Исследование должно выявить эти общие закономерности и условия, при которых то или иное явление развивалось. Левин считал, что психология должна использовать галилеевское мышление. Поэтому эксперимент должен быть строго продуман: необходимо создать определенные условия, чтобы получить, вычленив само изучаемое явление. Иными словами, различие аристотелевского и галилеевского подхода по отношению к психологическому исследованию означает переход от описательного метода к конструктивному. Аристотелевский метод в психологии состоит в том, что причина отождествляется с сущностью изучаемого явления, в результате чего научное объяснение сводится к классификации и приводит к выделению средних статистических характеристик, в которых преобладают оценочные критерии.

Галилеевский же метод в психологии предполагает теоретическое объяснение фактов на основе целостной системы причинных соотноше-

ний. Именно нахождение причинных соотношений дает возможность предсказания единичных событий. Каждое единичное событие должно быть осмыслено в контексте целостной ситуации данного момента. Эмпирическое доказательство должно уступить место конструктивно-теоретическому. Психология должна изучать не фенотипы, а генотипы. Эксперимент в психологии призван давать объяснительную характеристику, а не установление факта — он должен объяснить причину, детерминацию человеческого поведения, того или иного психического явления.